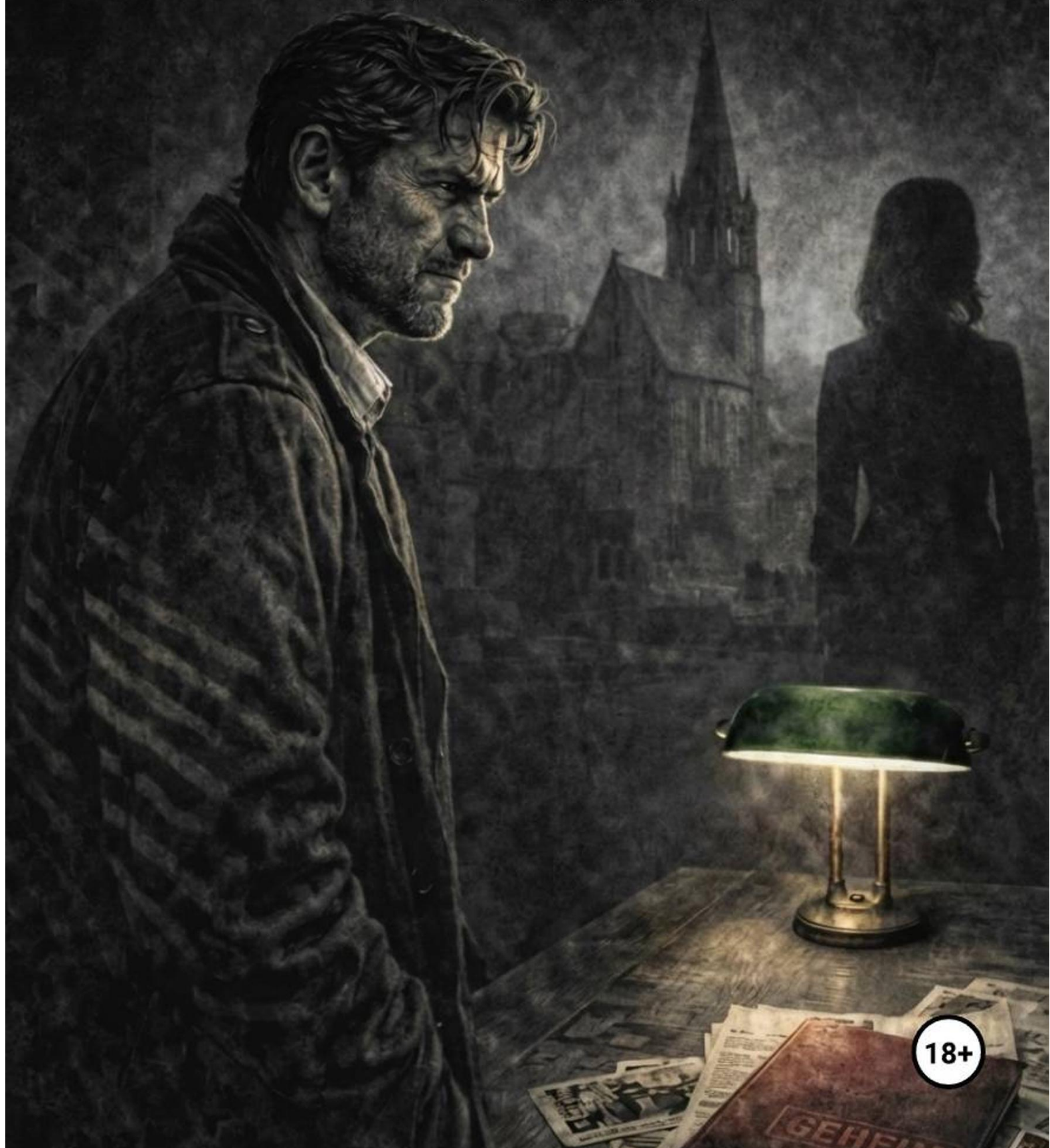

Травда

Е. БЕЛЯКОВ

18+

Холодный сговор

Е. Беляков

Правда

«Автор»

2026

Беляков Е.

Правда / Е. Беляков — «Автор», 2026 — (Холодный сговор)

Нуар в альтернативно-историческом сеттинге антологии "Холодный сговор". Октябрь 1969 года. Частный детектив, бывший солдат Вермахта, получает задание от бывшей узницы тюрьмы гестапо: найти офицера СС, который в 1940 году вывез её и других заключённых за линию фронта. Важно! Сеттинг антологии, хронология Второй мировой войны и её итоги значительно отличаются от реальной истории.

© Беляков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1969. Ханс-Йоахим Петерс	5
1940. Паула Рихтер	8
1969. Ханс-Йоахим Петерс	11
1940. Паула Рихтер	21
1969. Ханс-Йоахим Петерс	24
1940. Паула Рихтер	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Е. Беляков

Правда

1969. Ханс-Йоахим Петерс

Октябрь пах пылью, разочарованием и дешёвым табаком. Я отпер дверь своего кабинета с латунной табличкой:

«Ханс-Йоахим Петерс. Частный детектив».

Замок щёлкнул глухо, как делал всегда — звук, в котором было больше усталости, чем надёжности. Внутри меня ждал очередной бессмысленный день: неяркий свет из пыльного окна, стол с потёртыми углами, два стула, пепельница и тишина, в которой обычно не появлялось ничего, кроме тиканья часов и собственных мыслей. Мыслей, которые становились всё более горькими с каждым годом.

Я давно уже знал этот ритм. Дни без клиентов. Недели без денег. Месяцы без перемен. Жизнь как медленное угасание. Как сигарета, медленно догорающая в пепельнице.

Так было не всегда. Давно, словно ещё в прошлой жизни, я был солдатом Вермахта и членом НСДАП. Война, ранение, плен, потом французский лагерь. После войны — десять лет поражения в правах: без права выезда из Германии, без права сменить город, без права голоса. Судилище в Мюнхене¹ я всегда считал именно судилищем — судом победителей, а не правосудием. Меня внесли в список поражённых в правах лишь за то, что я был патриотом Фатерлянда и мечтал о лучшем будущем... Без какой-либо возможности оправдаться, отстоять или хотя бы высказать свою точку зрения. Что ж, если они думали, что я раскаюсь и отрекусь, то они определённо ошиблись. Я не ощущал за собой вины. Прошлое не исчезает, если его подавлять. Оно просто остаётся. Как шрам. Как долг, который никогда не будет выплачен.

Я просто жил, жил по их правилам. Конфедерация умеет переваривать даже таких, как я, если мы не мешаем системе и исправно платим за электричество. Я даже работал когда-то в крипо. Недолго. Моё поколение сменили другие люди — с другими методами, другими процедурами и другими терминами. Им не нужны были такие, как я. Мне пришлось уйти. Уйти в тень. В тишину. И, как оказалось, в забвение.

Теперь я зарабатывал тем, что оставалось: слежкой за неверными супругами, проверкой сомнительных контрагентов, грязными мелкими поручениями, о которых не спрашивают лишнего. В хорошие времена мне хватало заработков на дорогой бренди в приличном баре и оплату квартиры на год вперёд. Когда-то я даже мог позволить себе нанять секретаршу. В плохие — мне часто не хватало даже на сигареты.

Если уж совсем начистоту, хороших времён у меня не было уже довольно давно. Настолько давно, что я перестал верить, что они когда-нибудь вновь наступят. Давал знать возраст. Давала знать репутация. Паршивая, тяжёлая, прилипчивая репутация нациста. Впрочем, иногда именно она и привлекала клиентов. Тех, кому нужен был человек без принципов. Или с принципами, которые давно уже никого не волновали.

Этот день оказался не привычно пропащим. В дверь постучали.

Стук был уверенным, но не настойчивым. Как будто стучащий знал, что я внутри. И знал, что я его приму.

¹ Мюнхенский трибунал 1941 года — суд над нацистскими преступниками. Поскольку в описываемом мире победа была одержана странами Антигитлеровской коалиции в 1941 году, многие из известных нам преступлений нацизма просто не успели произойти. Подробнее см. «Библию мира»

В кабинет вошла женщина лет шестидесяти. Она ничуть не выглядела старухой. Ни сутулости, ни дрожи, ни той усталости, которая выдаёт возраст быстрее паспорта. Наоборот, в ней было что-то очень жёсткое, собранное, властное. Уверенность человека, не привыкшего спрашивать разрешения. Уверенность победителя.

Она представилась:

— Паула Рихтер. Аналитик Коминтерна.

Я усмехнулся. Усмешка получилась горькой, как кофе, который слишком долго стоял на плите.

— И что же коммунистам понадобилось от бывшего солдата Вермахта?

Она молча достала из картонной папки старую газету. Русскую. Пожелтевшую, сложенную бережно, как ценный документ. На первой полосе фотография: люди в полосатой лагерной форме — много, целая толпа, — и человек в форме СС, широко раскинувший руки навстречу русскому солдату.

Она положила газету на стол. Бумага легла с тихим шуршанием.

— Это главная газета советской армии, «Красная звезда». Вот этот человек — унтерштурмфюрер СС Курт Беккер, он служил в Заксенхаузене. Если вам интересно, что здесь написано: немецкий антифашист Курт Беккер освободил из застенков гестапо более пятидесяти заключённых и вывез их за линию фронта.

Я скептически ухмыльнулся. Эсэсовец-антифашист. Анекдот, да и только. Война рождала много легенд. Почти все из них были ложью.

Она сделала паузу. Дала мне время усвоить. Время понять, что это не просто история. Это загадка. А загадки — это то, за что платят.

— Вот только знаете что? Курт Беккер погиб 8 февраля 1940 года при налёте британского самолёта и похоронен в Пазевальке.

Я пожал плечами.

— Война. Бывает.

— Смотрите на дату. Газета вышла 11 февраля. Через три дня после налёта. А самое интересное: 8 февраля никакого налёта не было. Во всяком случае, в документах самих британцев о нём ничего нет. Был за два дня до этого. На Штеттин. На железнодорожный узел.

Она наклонилась ближе. Её глаза были холодными, как сталь. Глаза человека, который ищет правду и готов заплатить за неё любую цену.

— А вот вам ещё одна любопытная деталь. Эта газета — единственное свидетельство того, что этот человек вывез людей к русским. Ни в архивах Штази, ни в польских документах, ни у НКВД об этом ни слова. Я проверила всё, до чего смогла дотянуться. У меня есть возможности, поверьте. Ничего. Пустота. Этого события словно и не было.

Я посмотрел на фотографию. На человека в форме СС. На его лицо.

— А может, его реально не было? — сказал я. — Вы всерьёз доверяете красной пропаганде? Вам не приходило в голову, что это просто постановка?

Она не ответила сразу. Просто указала пальцем на молодую женщину на фото — в поло-сатой робе, с какой-то тканью в руке. Женщину, которая смотрела в камеру с выражением, которое трудно было прочесть. Страх? Надежда? Недоверие?

— Это я, — сказала она. — Он тогда вывез меня из тюрьмы в Штеттине.

Я посмотрел на неё. На женщину передо мной. На женщину на фотографии. Да, это определённо была она, только моложе на тридцать лет. Худая, измождённая, избитая, но всё же она.

— Почему вы обратились именно ко мне?

— Из-за вашей репутации. Я сделала всё, что можно сделать по официальным каналам. Результат — нулевой. Мне нужен человек, который имеет выходы к той изнанке, которая мне недоступна. Докопаться до правды, похоже, можно только там.

— А почему вы решили, что я возьмусь за это дело? Я не работаю на Коминтерн.

— Это не для Коминтерна. Это лично для меня. Но при этом у вас будут ресурсы организации. Я думаю, вы возьмётесь. Я не вижу к вам большой очереди, уж простите за откровенность. К тому же, моё дело куда интереснее слежки за неверными жёнами и значительно лучше оплачивается.

Она была права. Во всех пунктах. Очереди не было. Дело было интересным. Оплата — жизненно необходимой. А ещё — это был мой шанс. Шанс вырваться из этой комнаты. Из этого забвения.

— Пазевальк, Штеттин... Сейчас эти города по другую сторону границы. Снова спрошу: почему я? Все ответы должны быть на той стороне. Обратитесь к оси.

— Именно потому и вы. Я уже искала ответы. Привлекала ресурсы системы, нанимала далеко не глупых людей. Безрезультатно. Нужен новый взгляд, непривычный подход. В течение двух дней вы получите визу и разрешение на выезд в Восточную Германию, там вас будет ждать полное содействие со стороны Народной милиции² и — довольно умеренное — со стороны Штази. Если потребуется, я смогу обеспечить вам документы для поездки в Польшу и СССР, но там я не смогу оказать вам существенной поддержки. Кроме того, насколько я знаю, вы ни польским, ни русским не владеете. Поэтому постарайтесь найти нужный ответ в Германии.

Я посмотрел на газету. На фотографию. На женщину передо мной.

— Хорошо, я согласен. Хоть посмотрю, как живут люди на востоке.

² В описываемом мире Восточная Германия (Германская Социалистическая Республика) имеет более тесную политическую, экономическую и культурную интеграцию с СССР, чем ГДР в нашем мире. Правоохранительные органы называются по советскому образцу.

1940. Паула Рихтер

Задние двери санитарного фургона распахнулись с сухим скрипом, открыв полумрак, пропитанный запахом крови, сырости и металла. Внутри на грубых деревянных скамьях уже сидели люди в таких же серо-полосатых робах, замёрзшие, с тусклыми глазами, но странно спокойные. Две женщины примерно её возраста, прижимавшие к себе детей, ещё несколько женщин постарше в углу, старик, беззвучно шевеливший губами, подросток с обветренным лицом, неподвижно глядевший под ноги. На полу виднелись свежие кровавые разводы — было видно, что кузов пытались отмыть, но без особого старания.

— Залезайте! — проорал круглолицый надзиратель. Паула не знала его имени, помнила лишь, что на одном из допросов он бил её ногами по рёбрам.

Кузов фургона забили заключёнными до отказа. Когда колонна тронулась, и ворота тюрьмы остались позади, одна из женщин — худая, лет пятидесяти — вдруг заговорила. Голос у неё был тихий, но при этом твёрдый, уверенный.

— Всё будет хорошо, — сказала она, глядя прямо перед собой, будто обращаясь ко всем и при этом ни к кому. — Это мой мальчик везёт нас. Мой сынок. Он хороший человек. Он везёт нас на свободу.

Никто не ответил. Дети притихли, взрослые избегали взглядов. Паула сидела у самого края, чувствуя, как морозный февральский воздух бьёт в лицо через щели и пробоины кузова. Она не верила в хороших сыновей и свободу, но возражать не стала. Вера — это последнее, что остаётся у человека.

Колонна шла на восток. Дорога была разбитой, фургоны подскакивали на ухабах, раскачиваясь, как баржи на волнах. Иногда приходилось стоять, пропуская другие машины с военными грузами. Их несколько раз останавливали на блок-постах: слышался короткий диалог, иногда — шаги вокруг кузова. Но каждый раз после проверки бумаг их пропускали дальше. Без лишних слов, без задержек. Система работала даже здесь, на забитых военным потоком дорогах.

Уже после Ястрова, когда водители свернули направо, и бетон сменился лесной грунтовой дорогой, колонну остановила подвижная группа на двух мотоциклах — штрайфе, дозор. Паула ничего не могла видеть, только выстраивала картину по доносящимся звукам. Звукам, которые становились всё более тревожными.

— Куда едете? — спросил старший, обращаясь, по-видимому, к Беккеру.

Ответ прозвучал ровно, почти официально:

— В Кёнигсберг, в военный госпиталь. Срочный груз. Доноры.

Незнакомец скептически хмыкнул:

— Дорога на Данциг — севернее. Здесь передний край. Дальше вы приедете прямо в лапы к русским.

— Возможно, это ошибка, — ответил Беккер, не меняя тона. — По последним донесениям, наши войска расширили данцигский коридор и теснят большевиков на юг. Эта дорога должна быть уже нашей.

Солдат отдал короткий приказ:

— Заглушите машины. Откройте кузов.

Задние дверцы со скрипом распахнулись. Обер-ефрейтор с пистолетом-пулемётом на груди заглянул внутрь, его взгляд скользнул по Пауле, по старушке, по детям. Он что-то обдумывал, его лицо становилось всё более напряжённым. Лицо человека, который видит что-то не то.

— Герр унтерштурмфюрер, мы вас задержим до выяснения. Если всё в порядке, мы вас проводим до правильной дороги.

В этот момент всё произошло слишком быстро, чтобы Паула успела осознать.

Беккер резко подался вперёд, вцепился в предплечье обер-ефрейтора, пнул под голень и рывком выкрутил руку. Тот потерял равновесие и плюхнулся лицом вниз, Беккер придавил его сверху. Одновременно откуда-то со стороны кабин фургонов раздалась выстрелы — короткие, глухие, без эха. Водители стреляли по солдатам из патруля.

Тишина наступила мгновенно — только тяжёлое дыхание Беккера и приглушённый стон обер-ефрейтора под ним.

— Вот теперь точно надо торопиться, — сказал Беккер спокойно, будто говорил о погоде. — Если кто ещё не понял — я везу вас на свободу. Здесь спокойный участок фронта. Это лучшее место, чтобы перейти к русским. Держитесь, братцы, осталось всего несколько минут.

Тела убитых солдат быстро стащили в придорожные кусты, мотоциклы откатали под деревья.

Обер-ефрейтора бесцеремонно связали ремнями и усадили в кабину первого фургона рядом с водителем, который уже заводил мотор.

— Покажешь нам, где засели русские, понял?

Колонна тронулась снова, теперь уже быстрее, почти на пределе скорости по разбитой дороге. В кузове никто не говорил. Женщина, что верила в сына, смотрела теперь в пол, её губы беззвучно шевелились в молитве. Дети тихо плакали, уткнувшись в плечи матерей.

Колонна резко затормозила, едва не сбив с ног тех, кто стоял в кузове. Двери фургона распахнулись с глухим стуком, и в проёме показался Беккер. Его лицо было спокойным, даже сосредоточенным, но в глазах горела странная, почти лихорадочная решимость.

— Вот мы и приехали, — сказал он, оглядывая узников. — Наш новый друг, — он кивнул в сторону кабины, где сидел связанный обер-ефрейтор, — сказал, что наблюдатели русских тут нас должны увидеть. Теперь надо сделать так, чтобы они не начали по нам стрелять. Давайте их заинтересуем.

Он вывел людей из фургонов на опушку леса. Перед ними расстилалось заснеженное поле, переходящее в редколесье. Ветер гулял по открытому пространству, поднимая позёмку. Курт жестом указал вперёд.

— Осторожно выходите на открытое место. Медленно. Не бегите.

Паула шла, почти не чувствуя ног. Морозный воздух обжигал лёгкие. Курт вдруг остановил её, сунул в руки что-то мягкое и яркое — большую красную тряпку, похожую на обрывок скатерти.

— Размахивай, — коротко бросил он. — Чтобы заметили.

Паула машинально подняла руку, ткань захлопала на ветру, алым пятном выделяясь на фоне белизны. Красное на белом.

Когда все узники вышли на поле, Курт сбросил на снег свою шинель — ту самую, с застиранными пятнами крови. За ней полетел и китель с тремя квадратами на петлице. Он лёг тёмным, почти чёрным пятном на чистом снегу. Беккер, дрожа от холода в одной только хлопковой рубашке, поднял руки высоко над головой и зашагал вперёд — медленно, один навстречу невидимой линии фронта.

— Руссе! — крикнул он, и его голос, обычно ровный и холодный, теперь звучал напряжённо, почти срывался. — Не штреляй! Я есть твой трук! Я пришоль плен! Большевик! Не штреляй!

Он повторял это снова и снова, шаг за шагом углубляясь в поле. Паула стояла с тряпкой в оцепеневшей руке, глядя на его одинокую фигуру. Ветер нёс его слова в сторону леса, и казалось, что они растворяются в зимней тишине.

И вдруг — движение. На дороге перед ним, словно из самой земли, поднялась фигура в белой маскировочной накидке. Советский солдат. Он резко жестикулировал, кричал что-то на

непонятном языке, но один жест был ясен как день: «Стой!» А потом, отчётливо, на ломаном немецком: «Мина! Хальт!»

Курт замер. Солдат медленно, очень осторожно пошёл к нему. Паула не дышала. Время будто остановилось. Остались только ветер, красная тряпка в её руке и двое мужчин посреди заснеженного поля, разделённые несколькими метрами и целой войной.

Уже вечером Паула лежала на железной кровати в палатке полевого госпиталя. Внутри пахло лекарствами, дымом и тёплым хлебом. Ей выдали толстое шерстяное одеяло, а вместо полосатой робы — странную военную форму без погон. Рубаха была плотная, хлопковая и застёгивалась спереди под воротником; надевать её приходилось через голову, почти как ночную рубашку. Брюки тоже казались непривычными: от бёдер они были широкими, мешковатыми, словно набитыми воздухом, а ниже колен резко сужались.

Она лежала на спине, глядя на брезентовый потолок, и слушала тихие голоса за стенкой — спокойные, усталые, говорящие на странном твёрдом языке. Здесь было тепло. По-настоящему тепло, от печки, что равномерно гудела в углу, от плотных стен палатки, от одеяла, которое грело всё тело.

Впервые за несколько месяцев её живот не сводило от голода, а в горле не стоял ком страха. Она просто лежала и чувствовала, как тепло медленно, будто нехотя, растекается по телу, оттаивая что-то замёрзшее и окаменевшее внутри.

За стеной кто-то засмеялся — негромко, устало. Паула закрыла глаза. Она не знала, что будет завтра. Но сейчас, в этот момент, ей было тепло. И этого было достаточно.

1969. Ханс-Йоахим Петерс

Паула оказалась образцовой клиенткой.

В её папке было настоящее досье. Не стопка разрозненных бумаг, не хаос вырезок и догадок, с которыми обычно приходят к частному детективу, а собранный, выверенный материал: аккуратный, логичный, холодно-рациональный. Такой, каким пользуются не журналисты и не фанатики, а профессиональные аналитики. Люди, которые знают цену информации. И знают, как её добывать.

Первой она достала зелёную тетрадь.

Толстую, плотную, дорогую, с хорошей бумагой и прошитым корешком. Внутри — ровный, красивый почерк. Немецкий, строгий, без лишних завитков. Строчка к строчке. Абзац к абзацу. Даты, места, фамилии, примечания на полях.

Это были её воспоминания.

Детальные. Структурированные. Без эмоций, без истерики, без попытки приукрасить или вызвать сочувствие. Просто факты. Хронология. Последовательность. Логика. Как будто она описывала не свою жизнь, а чужую. Как будто та женщина в тюрьме была кем-то другим. Кем-то, кого можно анализировать со стороны. Без жалости. Без сострадания.

И, что особенно бросалось в глаза, без утайки.

Я это почувствовал сразу. Там были вещи, которые люди обычно не пишут о себе. Не потому что сознательно лгут, а потому что стыдно, страшно, больно или просто неудобно. Если бы я сам писал подобный документ, некоторые эпизоды я бы точно смягчил. Некоторые — умолчал. Некоторые — переиначил. Описал бы себя лучше.

Она — нет.

После воспоминаний шли какие-то схемы, смысла которых я пока не понимал без контекста, а потому их изучение оставил на потом.

За тетрадью пошли документы.

Фотокопия обгоревшего маршрутного листа.

Бумага была почерневшей по краям, в центре — выцветшая, затёртая, как старая кожа. Половина текста отсутствовала. Остальное читалось фрагментами, буквально угадывалось. Как будто сама история пыталась скрыть следы и почти преуспела.

Маршрут: военный госпиталь, пригород Кёнигсберга.

Груз: доноры крови из числа заключённых, отобранных на пункте сортировки.

Состав колонны:

— 2 фургона Opel Blitz

— автомобиль Opel Kadett K38

— мотоцикл BMW R12

Личный состав: 8 человек.

Список обгорел до нечитаемости. Восемь имён, которые превратились в пепел.

Паула сразу дала пояснение — спокойно, без пафоса:

— Непосредственно перед захватом лагеря архив Заксенхаузена пытались уничтожить. Сжигали всё. Сохранилось очень мало. А то, что сохранилось, в таком состоянии. Списка у меня нет. Есть только одно имя: Конрад Хазе. Он был одним из водителей тех фургонов, я случайно запомнила имя. Выяснила, что он жил в Ростоке, работал в порту Варнемюнде, умер от пневмонии в сорок девятом. Вместе с ним в том месяце умерло ещё девять человек из числа его коллег, в портах такие вспышки иногда случаются³. Про его биографию в Рейхе почти

³ Речь идёт о заражении легионеллёзом, которое в те годы не умели диагностировать и лечить. В 1969 году эта болезнь всё ещё не была открыта.

ничего не удалось узнать, но есть выписки из личного дела в Штази. Переход на сторону СССР в сороковом, без указания подробностей. Поражению в правах не подвергался, несмотря на членство в НСДАП. Служил в Народной армии ГСР. Был на хорошем счету. Досье небольшое, заведено после репатриации из Польши в сорок шестом. На стороне Польши личное дело не сохранилось: местные националисты подожгли архив.

Она говорила это так, как будто читала сводку погоды. Без эмоций. Без подозрений. Просто факты.

Следующий документ, отчёт:

Bericht Ortspolizeibehorde Pasewalk Feindflug.

Отчёт о вражеском воздушном налёте.

8 февраля 1940 года.

8 февраля 1940 около 7:30, в районе шоссеиной дороги вблизи Пазевалька транспортная колонна подверглась нападению вражеского самолёта.

Атаковавший летательный аппарат имел отчётливо различимые британские опознавательные знаки и произвёл обстрел колонны бортовым вооружением с малой высоты.

Установленные факты на месте происшествия

Потери личного состава:

- * 5 погибших из числа личного состава колонны***
- * Причина смерти у всех: огнестрельные пулевые ранения***
- * Все погибшие были в форме СС со знаками различия***
- * У всех обнаружены и изъяты документы, удостоверяющие личность***

Материальный ущерб:

**** Мотоцикл BMW R12 передового поста тяжело повреждён множественными попаданиями и непригоден к эксплуатации***

**** Множественные следы попаданий на транспортных фургонах типа Opel Blitz***

**** Следы попаданий на автомобиле Opel K38***

Потери среди перевозимых заключённых:

Среди перевозимых заключённых установлены значительные потери.

По предварительным данным, число погибших составляет около 50 лиц.

Точное установление количества погибших в настоящее время невозможно в связи с состоянием тел.

Полицейская оценка:

Происшествие квалифицируется как вражеский воздушный налёт на территорию Германии.

Действия расцениваются как целенаправленная атака на транспортную колонну.

Местным полицейским органом:

- * произведён выезд на место происшествия, осмотр, опрос выживших,***
- * проведена идентификация погибших,***
- * изъяты и зафиксированы вещественные доказательства,***
- * информация передана в административные и силовые органы.***

Направление отчёта

Настоящий отчёт направлен в:

- * Управление окружного начальника округа Пазевальк***
- * Государственное полицейское управление***
- * соответствующие органы гражданской обороны и ПВО***
- * военные органы связи***

Дата, подпись начальника городского полицейского управления, служебная печать.

И, наконец, личное дело Курта Беккера. Я его бегло пролистал.

Родился: 1909 год, Магдебург.

Отец — Адольф Беккер, унтер-офицер кайзеровской армии, участник Первой мировой, член НСДАП с 1923 года, бывший член СА, штурмбанфюрер СС.

Мать — Мария Беккер, урожденная Хубер, домохозяйка.

Образование — реальное училище, затем техническая школа.

1928 — вступление в НСДАП.

1930 — СС.

1934 — служба в охранных подразделениях.

1936 — перевод в систему лагерной охраны.

1937 — лагерь Заксенхаузен.

Фотография: светло-русый мужчина с правильными чертами лица, очень похожий на фото в газете. Лицо, которое могло бы быть на пропагандистском плакате. Идеальный ариец.

Звание: унтерштурмфюрер СС.

Характеристика: дисциплинирован, исполнитель, политически надёжен, склонен к инициативе.

Награды: Железный крест 2-го класса, партийные знаки отличия, благодарности за службу.

Семейное положение: вдовец, жена Берта Беккер (урождённая Шульц) умерла при родах в январе 1939 года. Ребёнок родился мертворождённым, других детей нет.

Родственники: отец, мать (Магдебург), младшая сестра.

Статус:

Погиб 8 февраля 1940 года.

Место гибели: район Пазевалька.

Причина смерти: авиационное нападение.

Захоронение: городское кладбище, Пазевальк.

Обычное дело. Слишком обычное.

Я повторно перелистал страницы, посмотрел на неё, потом снова на фотографию в газете.

— Вы нашли его родных? Показали им это?

— Его отец погиб в сороковом, мать пропала без вести. Нашлась только сестра. Она подтвердила: её брат был захоронен в Пазевальке. Оpoznан местным врачом по татуировке под левой подмышкой: под группой крови он набил своё имя. Тем не менее, и на газетном фото она его опознала. Она тоже не понимает, как такое возможно.

— Значит, мёртвый офицер с идеальной нацистской биографией, — сказал я. — С живым телом, с реальными документами, неожиданным спасением врагов Рейха и одной-единственной советской газетной заметкой.

Я ожидал возмущения, но Паула смотрела на меня спокойно:

— Именно, — сказала она. — И я хочу знать правду.

Почти два дня я прожил в своём прокуренном кабинете, дыша табачным дымом и бумагой. Два дня, которые показались вечностью. Два дня, за которые я успел забыть, как пахнет свежий воздух. Как пахнет жизнь.

Должен признать, Паула была мастером своего дела. Её зелёная тетрадь лежала передо мной. Выписки, подчёркнутые строки, схемы, где стрелки расходились и тут же упирались в тупик. Списки имён, и напротив каждого второго — безжалостная пометка «мёртв». Это был не беспорядок фанатика, а попытка выстроить систему из обрывков. Паула провела через свои руки архивные документы, которые для меня были бы заперты навсегда под тройными замками Штази и ленивым равнодушием конфедеративных чиновников. Не было тут только одного — результата. Загадка чересчур активного покойника, Курта Беккера, не рассыпалась под её напором.

Но в её методе я уловил изъян. Это была работа аналитика, чистая, безупречная на бумаге. Она действовала чужими руками, читала чужие отчёты, видела мир через строки протоколов. Это было её главное, возможно, роковое преимущество и недостаток одновременно. Некоторые истины не живут в архивах. На такие вещи нужно смотреть своими глазами. Глазами бывшего крипо, который и сам знает, как пахнет ложь. Который знает, что правда часто прячется не в документах, а в том, чего в них нет. В молчании. В пропусках. В нестыковках.

В четверг утром в дверь постучали. Не клиентская робость, не назойливость кредитора — отрывистый, чёткий стук.

Посыльный из Коминтерна. Молодой, с лицом, из которого уже выветрились все лишние эмоции, он без слов вручил мне плотный картонный пакет. Просто кивнул и растворился в полумраке лестничной клетки. Как призрак. Как посланник из другого мира.

Внутри лежал мой собственный паспорт, но теперь он словно прибавил в весе. На его страницах теперь красовались визы и штампы, о которых я ранее и не мечтал. Поручительство на плотной бумаге с гербовой печатью. Билет на поезд до Берлина — синий, с жирной цифрой «1» в углу. Первый класс. Меня делали дипломатом на один рейс. Лежали там и рекомендательные письма, и список контактов, читая который, я ощущал призрачное, холодное дыхание власти: милиция, Штази, городская администрация Штеттина, представительство Коминтерна в Берлине. Паула не просто давала мне задание, она давала мне ключи. Ключи от дверей, которые для таких, как я, должны быть навсегда закрыты.

Просматривая рекомендации, я присвистнул повторно: мне было предписано выделить автомобиль. На дне пакета лежали две пачки денег: тысяча конфедеративных франков с подписью «Аванс» и три тысячи марок ГСР — «На расходы». Деньги, которые пахли не свободой, а обязательствами.

Вещей я набрал немного: смена одежды в потрёпанном чемодане, предметы гигиены в кожаной сумочке, тяжёлые зимние сапоги — на случай, если эта история затянется. На случай, если я застряну в этом другом мире дольше, чем планировал. На случай, если он не захочет меня отпустить.

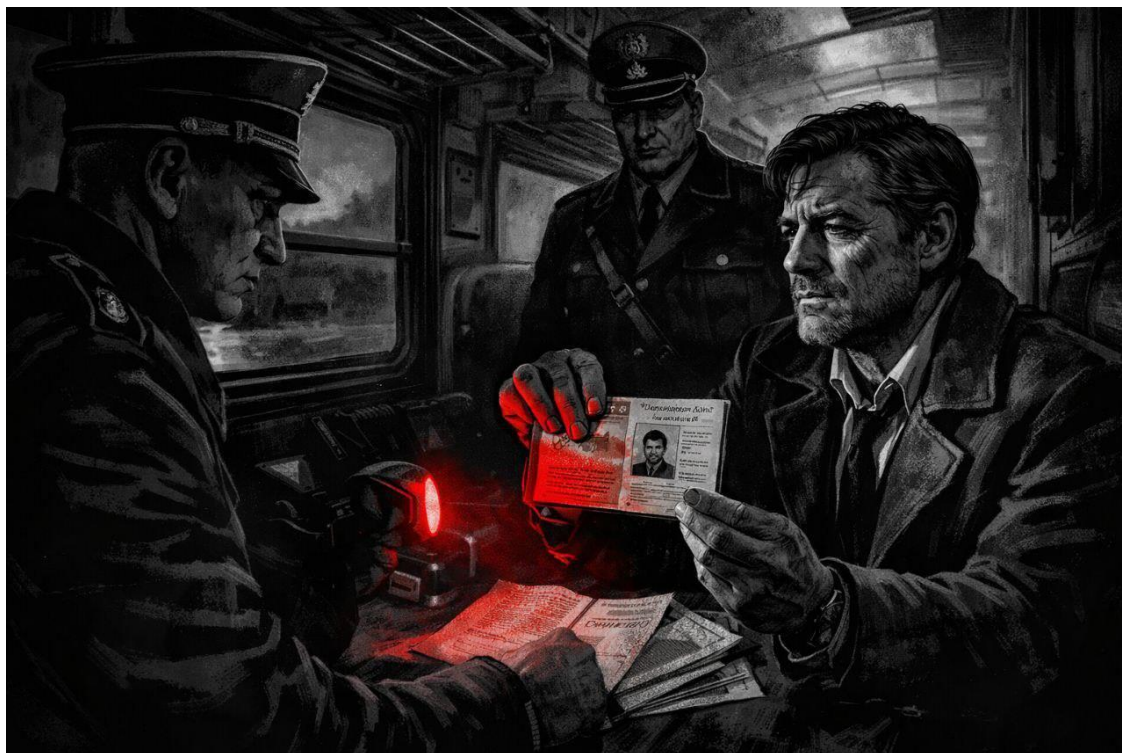
Вокзал в Дюссельдорфе гудел, как гигантский улей. Поезд на Берлин стоял у перрона, длинный, тёмно-зелёный, дышащий паром вагона-ресторана и скрытой силой. Проводник, мужчина с усталыми глазами и идеально отутюженной формой, проверил мой билет с синей единичкой. Он взял чемодан, убрал его в специальную нишу в голове вагона и проводил меня в салон. Без вопросов, без подозрений. Просто выполнил свою работу. Как будто я был важным человеком. Как будто я был кем-то.

Первый класс пахнет по-другому. Не потом, дешёвой колбасой и страхом опоздать. Здесь пахло деревом, кожей, слабым ароматом дорогого табака, въевшимся в обивку. Сиденья — не скамьи, а индивидуальные кресла-коконы, расставленные по схеме два плюс один. Широкие, глубокие, отгораживающие тебя от соседа и целого мира. Я выбрал место у окна: что ж, в этот раз могу себе позволить. Я платил за это не деньгами, а чьей-то волей, вписанной в поручительство.

Поезд тронулся, увозя меня от знакомых улиц, от запаха одиночества в кабинете, от тени прошлого, которая в Конфедерации была длиннее и темнее. Мы мчались через индустриальные пейзажи, серые города, опустевшие поля. Я смотрел в окно, но видел не их, а схемы из зелёной тетради, лица с фотографий, полицейские отчёты. Видел загадку, которая ждала меня на другой стороне.

Поезд замедлил ход, заскрежетал тормозами. Мы подошли к границе. Не к условной линии, вроде той, что отделяет Западную Германию от Бельгии или Франции, а к настоящей: вышки, проволочный забор, бетонные блокпосты. Тишина в вагоне стала гуще, тяжелее. Тишина ожидания. Тишина границы, которая разделяет не только страны, но и миры.

Вошедшие пограничники ГСР были довольно похожи на наших, разве что форма чуть строже. В их глазах читалась настороженная внимательность. Они методично проверяли паспорта, сверяли лица с фотографиями, вглядывались в визы.

Когда дошла очередь до меня, я протянул паспорт и поверх него — лист поручительства. Старший из них, коренастый мужчина с жёстким взглядом, взял бумаги. Его глаза пробежали по тексту, по печати, по подписи. Что-то мгновенно изменилось в атмосфере. Промелькнуло странное, почти неуловимое уважение, как мне показалось, не к организации даже, а к имени, отпечатанному на бумаге. Пограничник вернул документы, посмотрел мне прямо в глаза и сказал заметно потеплевшим голосом:

— Добро пожаловать в Германскую Социалистическую Республику, товарищ Петерс. Ваши документы в порядке. Приятной поездки и хорошего вам дня.

Он произнёс это так, словно это было не формальностью, а констатацией факта моего перехода в иную реальность. Реальность, где я из бывшего нациста, сидевшего без работы, внезапно стал «товарищем» с пропуском в самое сердце её тайн. Реальность, где прошлое, казалось, не имело значения.

Поезд снова тронулся, плавно въезжая на территорию ГСР. За окном поплыли те же поля, те же леса, но всё было неуловимо другим. Я был по другую сторону. И загадка Курта Беккера ждала меня где-то здесь, в этой другой Германии. В этом другом мире.

После раздела я ни разу не ступал на восточную землю. Сосси сталкивался, да. От одного даже брал заказ — разыскать сестру, оставшуюся в Конфедеративной Республике. Конечно же, я знал и обожал фильмы студии DEFA. В нашем городском кинотеатре они шли чуть ли не каждую неделю, и это всегда был праздник. Искромётные романтические комедии, от которых на душе становилось тепло; фантастика, уносящая в захватывающие миры; лихие приключения и пронзительные военные драмы — они смотрелись на одном дыхании, заряжая энергией и верой в лучшее. Это было кино с живым пульсом, яркими лицами и невероятным обаянием. Почему-то до сегодняшнего дня этот образ никак не сталкивался в моей голове с картинкой из газетных карикатур: серым, промозглым царством, где люди маршируют строем даже в булоч-

ную, а из каждой водосточной трубы на тебя смотрит всевидящий глаз агента Штази. Удивительно, что два этих абсолютно разных мира так долго уживались во мне без малейшего диссонанса.

Берлин опрокинул все ожидания с тихим, почти обидным равнодушием, стоило мне только покинуть вокзал Берлин-Остбанхоф. Воздух снаружи пах не страхом и подозрительностью, а выхлопными газами, крепким кофе, горячими колбасками и осенней влагой — обычная площадь в большом городе. Люди вокруг спешили, толкались, смеялись. Девушка с рыжими волосами что-то с жаром доказывала парню в очках, жестикулируя руками. Пожилая женщина несла сетку с апельсинами. Да, глаз цеплялся за детали: за странно округлые автомобили, за постового в серой шинели, чья осанка выдавала бывшего фронтовика. На зданиях — не пестрота рекламных щитов, а ровные, чёткие вывески: «Аптека», «Гастроном», «Дом книги».

Прямо напротив вокзала, ровно, будто по линейке, стояли те самые бело-голубые такси. «Вартбурги». Я неторопливо подошёл к первой машине в ряду. Шофёр, мужчина лет пятидесяти с добродушным, обветренным лицом, выскочил, широко улыбаясь.

— В какую сторону, товарищ?

— Отель «Адриа». Фридрихштрассе.

— А, знаменитое место! — Он ловко забросил мой чемодан в небольшой багажник. — Для гостей из-за рубежа. Сразу видно.

Он говорил без подобострастия, но с нескрываемым любопытством, рассматривая меня в зеркало заднего вида, пока мы ныряли в поток. Город проносился за окном. Самый что ни на есть обычный. Может быть, лишь чуть более монументальный, более строгий. Более... настоящий.

«Адриа» оказалась небольшой старомодной гостиницей. Пять этажей, бежевый фасад, кованые фонари, швейцар в ливрее, выглядевшей чуждо в этой строгой реальности. Всё внутри дышало каким-то тихим достоинством: полированный паркет, запах химчистки и свежих газет. Заселение заняло считанные минуты. Девушка на рецепции, увидев мои документы, лишь кивнула и протянула ключ — тяжёлый, латунный, такой же старомодный.

Номер был просторным, высоким, с окнами во двор. Мебель — добротная, слегка потёртая. На столе — телефон, графин с водой, рядом стакан. Всё чинно, пусто и безлико. Как будто номер ждал, чтобы я наполнил его смыслом.

Я поставил чемодан, снял пальто. Навалившаяся усталость была не физической — она была тяжёлой, свинцовой волной, смывшей все впечатления, все мысли. Два дня в бумагах, дорога, это погружение в другую жизнь... Тело потребовало свою дань.

Я даже не помнил, как лёг. Не разделся, не умылся. Просто рухнул на прохладное, чуть жёсткое покрывало, повернув голову к высокому потолку с лепниной. Затем наступила пустота. Я заснул в одежде и ботинках, как солдат на привале, забыв на несколько часов и о Пауле, и о Беккере, и обо всей этой запутанной, странной игре.

После завтрака, состоявшего из крепкого кофе и ливерной колбасы с булочкой, я решил навестить своих новых покровителей. Раз уж мне было обещано содействие, стоило им воспользоваться. Стоило посмотреть в глаза системе, которая теперь была моим щитом.

Представительство Коминтерна располагалось в пяти минутах неспешной прогулки вдоль Унтер-ден-Линден. Видимо, близость к нему и объясняла выбор отеля — Паула Рихтер всё предусмотрела. Бульвар был широк, пустынен и чист. Липы, давшие ему имя, стояли чёткими рядами, их чёрные ветви с редкими ещё неопавшими листьями чётко рисовались на фоне низкого октябрьского неба. Город дышал ровно, без суеты — глубокий, размеренный вдох и выдох имперской столицы, пусть и социалистической.

Здание было трёхэтажным, выдержанным в строгой, чуть устаревшей стилистике классицизма — ровно такое, какое и должно была занимать солидная международная организация в мире застывших побед. Не дворец, но и не контора. Фасад говорил о порядке, традиции и неспешной, вековой силе. Главный вход утопал в тени массивного каменного портала. Дверь — дубовая, тяжёлая, с массивными латунными ручками — выглядела так, будто её последний раз открывали для важной делегации лет десять назад. Справа висела бронзовая доска с выгравированными надписями на немецком, русском, французском, английском и, кажется, испанском: «Исполком Коммунистического Интернационала. Представительство в Германской Социалистической Республике». Два флага на флагштоках по бокам от входа: национальный чёрно-красно-золотой и красный флаг Советского Союза. Символы. Знаки.

Я потянул дверь на себя. Она поддалась неохотно, впустив меня в просторный вестибюль. Воздух внутри был сухим, он пах едва уловимым запахом типографской краски — словно из дальнего кабинета доносило дыхание свежих газет.

Пол был выложен полированными гранитными плитами холодного серого оттенка, от которых веяло немимым величием. Стены — гладко выкрашены в бежевый цвет, снизу обшиты тёмным деревом. На дальней стене виднелась огромная мозаика. Тишина стояла такая густая, что можно было услышать собственное сердцебиение. Её изредка нарушал лишь отдалённый, приглушённый гул машин за узкими окнами.

Прямо передо мной через весь холл тянулся ряд турникетов — стальных, блестящих, с механическими вертушками. Они отделяли мир посетителей от мира служащих. Справа за стеклянной перегородкой располагалось бюро пропусков. За стойкой сидела девушка в строгой серой форме с отложным воротничком; её волосы были убраны в тугую, безупречный пучок. Лицо — не выражало ничего, кроме профессиональной готовности к диалогу.

Я подошёл, протянул через окошко свой паспорт и поручительство от Паулы. Девушка взяла документы молча, изучила их с бесстрастной внимательностью. Её глаза скользнули по печатям, по подписи — тут что-то поменялось на её лице — потом перешли к списку на столе, отпечатанному на листе бумаги. Она нашла мою фамилию, провела по строке коротко остриженным ногтем, кивнула.

— Пропуск будет на десять дней. При необходимости продлите, — сказала она ровным, вежливым голосом. — Доступ на второй этаж и в гараж. Сейчас вам как раз надо будет подняться на второй этаж, кабинет 203.

Она протянула мне жёлтый пропуск на текстильном ремешке. На пластиковой карточке было вытиснено слово «КОМАНДИРОВАННЫЙ». Ни имени, ни фотографии. Просто статус. Временный человек с временными полномочиями. Человек-инструмент.

Я надел ремешок на шею. Пластик был холодным, как прикосновение системы.

— Кабинет 203, — повторила девушка, будто давая последнюю инструкцию. — Он почти напротив лифта. С левой стороны.

Я поблагодарил её кивком и направился к турникетам. Только оттуда я впервые в полной мере увидел мозаику. Она занимала всю высоту от пола до потолка. На золотистом фоне, составленном из тысяч мелких смальт, стояли в ряд, как на параде вечности: Карл Маркс с его густой бородой, Фридрих Энгельс с видом добропорядочного бюргера, Владимир Ленин в костюме-тройке, Иосиф Сталин в сером мундире и, завершая ряд, Эрнст Тельман — плотный, уверенный, со взглядом, устремлённым в светлое будущее, которое уже наступило и потому больше не представляло интереса.

Лица были выложены мастерски, с тщательной проработкой теней и света. Они смотрели на меня сверху вниз — не гневно и не благосклонно. Они просто были. Вечные, нерушимые, как сам этот гранитный пол. Иконостас революции, которая победила и устроилась поудобнее.

Я продемонстрировал жёлтый пропуск дежурному. Он нажал кнопку, турникет щёлкнул, разрешая один оборот. Я протолкнул холодную стальную лопасть и шагнул в святилище.

Лифт оказался старинным, решётчатым, с медными деталями, натёртыми до блеска. Управлял им лифтёр в таком же сером мундире, что и девушка внизу. Он молча кивнул, увидев жёлтый пропуск, и повернул массивную рукоятку. Кабина с глухим скрежетом и лязгом тронулась вверх, медленно, словно нехотя, позволяя осмотреть бетон между этажами через ажур решётки.

Дверь в кабинет 203 была обычной, без дополнительной таблички: только номер. Я постучал и вошёл без ожидания ответа, потому что знал — меня тут ждут.

Комната была среднего размера, выдержанная в том же аскетичном духе, что и вестибюль, но с налётом рабочей усталости. Пахло бумагой, старым деревом и слабым запахом остывшего кофе. Прямо напротив входа — массивный дубовый стол с резными звёздами. На нём — два телефона: обычный чёрный аппарат и «вертушка» из рыжего бакелита. В углу стоял низкий сейф зелёного цвета с массивным ключом в замке. У стены — книжный шкаф, за стеклом которого ровными рядами, как солдаты на параде, стояли собрания сочинений. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин — и несколько других имён, которые я не сразу узнал. На стене — стандартный набор: портрет Ульбрихта и репродукция «Ленина на субботнике». Ничего лишнего. Место, где идеология давно превратилась в рутину. Где революция стала бюрократией.

Меня встретил человек, который мог бы быть бухгалтером, архивариусом или мелким чиновником в любом учреждении на свете. Средних лет, чуть сутулый, в очках с тонкой металлической оправой. Его лицо не запоминалось — правильные, но размытые черты, усталые глаза за стёклами. Он поднялся из-за стола, не улыбаясь, но и не хмурясь.

— Пауль Краузе, референт, — представился он ровным, негромким голосом. — Буду рад вам помочь, товарищ Петерс. По всем организационным вопросам — обращайтесь ко мне практически круглосуточно. В нерабочее время звонки будут приходить на мой домашний. Постараюсь помочь по мере сил.

Он говорил так, будто это была стандартная фраза из сотни произнесённых за неделю. Но в его движениях была точность, а взгляд, скользнувший по моей фигуре, был быстрым и оценивающим. Взгляд профессионала.

— Чтобы не терять время, — продолжил он, — дайте, пожалуйста, своё водительское удостоверение.

Вопрос прозвучал не как просьба, а как следующая ступенька в алгоритме. Я молча достал из внутреннего кармана пиджака кожаную обложку с «тряпкой»⁴ и протянул. Краузе взял, бегло глянул, затем набрал на чёрном аппарате короткий номер, состоявший, судя по звуку, из двух цифр.

— Зайди, — сказал он в трубку и сразу же положил её.

Буквально через несколько секунд в кабинет вошла девушка. Молодая, с пышной шапкой тёмных кудрявых волос, собранных, впрочем, в строгую причёску. Она была одета не в мундир, а в тёмно-синий строгий костюм, бежевую блузку и туфли на низком каблуке — выглядела как секретарша из хорошего, но не роскошного учреждения.

Краузе протянул ей моё удостоверение.

— Луиза, сделай товарищу вкладыш. Срочно.

Девушка взяла документ, кивнула без слов и так же бесшумно вышла.

Пока она отсутствовала, Краузе занялся моими бумагами. Он разложил на столе мой паспорт, поручительство, список контактов, долго что-то выписывал в толстый журнал с клеёнчатой обложкой, сверял с каким-то внутренним списком. Его движения были выверенными, лишёнными суеты. Затем он потянулся к сейфу, повернул ключ, открыл тяжёлую дверцу и достал из ячейки связку ключей на простом металлическом кольце и регистрационный талон на автомобиль.

— Машину примете в нашем гараже, — сказал он, кладя ключи и талон передо мной. — Совсем новая, шестьсот вторая модель. Пробег минимальный.

Он произнёс это с лёгким, едва уловимым оттенком чего-то вроде уважительной демонстрации. Я не знал, что это за «шестьсот вторая», но по тону было ясно — мне предоставляют

⁴ В немецком разговорное название водительского удостоверения – der Lappen, «тряпка»

нечто лучшее, чем обычному командированному. И это притом, что я таковым, по сути, и не являлся. Мне предоставляли привилегии. За что?

Именно этот уважительный тон, это чёткое следование инструкции, которое я наблюдал с момента перехода границы, заставили меня, наконец, задать вопрос.

— Послушайте, Пауль, — сказал я, опуская голос, хотя кроме нас в комнате никого не было. — Проясните мне один момент. Вот вы мне помогаете. Но я работаю не над делом Коминтерна. Это частный заказ Паулы Рихтер. Почему все, кто видит мои документы — на границе, здесь, даже вы сейчас — вытягиваются, если можно так выразиться, в струнку?

Краузе на мгновение замер, поднял глаза от бумаг и посмотрел на меня через очки. В его взгляде промелькнула тень лёгкого удивления, как будто я спросил, почему вода мокрая.

— А вы что, разве не знаете, на кого работаете, товарищ Петерс? — спросил он тихо, отодвигая журнал в сторону.

Я промолчал, давая ему говорить.

— Паула Рихтер — это... не простой человек. Это легенда. — Он произнёс это без пафоса, просто констатируя исторический факт. — Вдова коммуниста, убитого штурмовиками в тридцать третьем. Подпольщица. Была арестована, выдержала пытки, отправлена в Равенсбрюк в феврале сорокового. И... она оттуда сбежала.

Краузе сделал паузу, поправил очки.

— Никто не знает, как она это сделала. Но она не просто сбежала, а перешла линию фронта. Она вышла к нашим, имея при себе архив. Не какой-нибудь, а материалы ячейки «Красной капеллы». Ценные, очень ценные материалы. После войны товарищ Рихтер решила продолжить дело мужа, пошла на службу в Коминтерн, стала аналитиком. Я не могу вам рассказать про её работу, но, поверьте, на таких людях и держится Коминтерн. Кое-что, впрочем, уже не тайна. «Отряд 731». В сорок восьмом никто не верил, что такое в принципе может существовать. Это казалось абсолютно немыслимым. Первой его вычислила именно она, по косвенным признакам. Сумела доказать, потом достучаться до Лиги Наций. За это одной из первых граждан ГСР получила Орден Карла Маркса.

Он обвёл рукой кабинет, книжный шкаф, портреты на стене.

— Здесь, в аппарате, её называют «стальной женщиной», — Он слегка понизил голос. — Сейчас таких уже не делают, товарищ Петерс. Теперь всё... по-другому.

В его последних словах прозвучало что-то, что не было прописано ни в одном служебном регламенте: смесь неподдельного почтения, веры в героев старой закалки и, возможно, лёгкой горечи от того, что эти герои — аномалия в отлаженном мире бюрократических ритуалов. Что они напоминают о времени, когда всё было другим.

В этот момент дверь снова открылась. Луиза вернулась и молча положила передо мной моё водительское удостоверение. К нему теперь был прикреплён скрепкой розовый картонный вкладыш с печатью Коминтерна, номером и штампом «Командированный. Транспортный доступ. Кат. А. Оказывать содействие».

Я взял удостоверение. Бумага была тёплой от прикосновения женских рук, но слова на ней были холодными. Официальными.

Теперь я был не просто частным детективом без гроша в кармане. Я был человеком с пропуском, машиной и тенью легенды за спиной.

1940. Паула Рихтер

Сегодня утром Пауле удалось пробиться к стене, где под самым потолком было небольшое зарешечённое окно. Оно находилось высоко, почти в двух метрах от пола, но если встать на краешек нар и ухватиться за покрытые инеем прутья решётки, можно хотя бы подставить лицо под струю холодного февральского воздуха.

Паула втянула воздух — резкий, морозный, с примесью дыма и гари. Он обжигал лёгкие после камерной вони. Она приподнялась на цыпочках выше, упёрлась лбом в железо, стараясь разглядеть кусок внешнего мира. Мира, который продолжал существовать где-то там, за стенами. Мира, который, казалось, забыл о них.

Двор тюрьмы был пустынен — серый бетон, белый снег, обледеневшие лужи, голые стены. Возле контрольно-пропускного пункта она заметила какое-то оживление. Ворота медленно распахнулись, скрипя на ржавых несмазанных петлях.

Первым въехал фургон — Опель Блиц с красным крестом на боку. За ним — второй, точно такой же. Оба несли на себе следы недавних боёв: вмятины, царапины, пулевые отметины. Их сопровождала небольшая легковая машина — синий Опель, малолитражка с потёртой краской на крыльях и также побитая пулями. Она ехала медленно, будто водитель берёт каждое движение. Словно машина была ранена и могла умереть в любой момент.

Машины остановились у административного корпуса. Из синего «Опеля» вышел офицер СС.

Он был один — без водителя, без адъютанта. Вышел неспешно, закрыл дверцу, огляделся. Его шинель, серо-зелёная полевая, была испачкана — на рукаве и груди виднелись тёмные, почти чёрные пятна. Следы крови.

Офицер поправил фуражку, бросил взгляд на фургоны с красными крестами, потом на здание тюрьмы. Его лицо было бледным, усталым, но не растерянным — собранным, будто он выполнял задачу, которую нельзя было доверить никому другому. Задачу, о которой лучше не спрашивать.

Паула отпустила решётку, опустилась на пятки. Холодный воздух ещё висел в лёгких, но внутри стало ещё холоднее. Фургоны с красными крестами, одинокий офицер с кровью на шинели, отсутствие водителя — всё это складывалось в картину, которая не предвещала ничего хорошего. Картину, в которой не было места надежде. Только вопросы. А вопросы в такие времена были опаснее ответов.

В камере за её спиной кто-то тихо спросил:

— Что там?

Паула не ответила. Она снова поднялась на цыпочки, вцепилась в решётку. Офицер уже скрылся в здании. Остались только машины — фургоны с красными крестами.

Вскоре её вывели вместе с другими — всеми, кто моложе сорока. Выбирали не только по возрасту, но и по внешнему виду: тех, кто ещё мог стоять на ногах, чьи глаза ещё не совсем потухли. Кто ещё был полезен. Кто ещё мог что-то дать.

Холод во дворе был пронизывающим — не мороз, а сырая, ледяная влага, въедающаяся в кости. Паула стояла в строю, стараясь не дрожать, но тело предательски содрогалось само по себе. Станный офицер — тот самый, что приехал один на синем «Опеле» — сидел за кабинетным столом, который вынесли во двор специально для него. Стол казался чужеродным предметом на фоне тюремных стен: полированное дерево, резные ножки, зелёное сукно. На нём лежала стопка личных дел. Бумаги, которые решали судьбы. Бумаги, которые были важнее людей.

Офицер просматривал их быстро, почти небрежно — иногда задерживая взгляд на секунду, чаще просто перелистывая. Некоторые дела он откладывал в сторону, не объясняя,

почему. Его движения были точными, выверенными, но в них не было ни казённого рвения, ни бюрократической важности. Только практичность. Холодная, безэмоциональная практичность.

Рядом стоял начальник тюрьмы — плотный, сидящий мужчина в форме гестапо. Он держал руки за спиной, время от времени меняя позу. Его лицо выражало недовольство, хотя он, казалось, и сам не мог бы объяснить, чем именно. Возможно, ему не нравилось, что в его владения вломился чужой, да ещё и с непонятными полномочиями. Возможно, он чувствовал, что контроль ускользает. А контроль — это то, что давно было его натурой.

К нему подошёл один из тюремных надзирателей — молодой, круглолицый. Он говорил тихо, но Паула, стоявшая недалеко, уловила обрывки:

— В Заксенхаузене всё подтвердили. И личность, и полномочия, и маршрут. Следует в госпиталь в Кёнигсберге. Ему разрешено набрать заключённых. В Пазевальке тоже подтвердили. Колонна была обстреляна британским самолётом. Тела погибших доставлены к ним, опознаны.

Начальник тюрьмы кивнул, не глядя на орпо. Его недовольство не исчезло — оно лишь застыло, превратившись в напряжённую сдержанность.

Когда заключённые были построены, офицер поднялся из-за стола. Он прошёл перед шеренгой, медленно, изучающе глядя в лица. Следы крови на его шинели уже были наспех застираны — но влажные пятна на рукаве и груди казались не менее зловещими.

Он остановился в центре, повернулся к ним.

— Моё имя — Курт Беккер. Унтерштурмфюрер СС Курт Беккер.

Голос у него был ровный, без эмоций, но не тихий. Он нёсся над двором чётко, без усилия. Как приговор, который зачитывают в последний раз.

— Я — ваш шанс избежать отправки в лагерь.

В строю кто-то глухо кашлянул. Кто-то переступил с ноги на ногу. Не от холода — от страха. От надежды, которая была страшнее отчаяния.

— Верные солдаты Вермахта сражаются на передовой. Многие из них получают ранения. Военным госпиталям нужны доноры. Это ваша возможность искупить свои преступления кровью — в прямом смысле. Я не буду вас спрашивать, согласны вы или нет. У вас всё равно нет выбора. Я назову имена тех, кто поедет со мной.

Он сделал паузу, давая словам осесть. Словам, которые были одновременно обещанием и угрозой. Спасением и новой ловушкой.

— После победы Великого Рейха вы будете помилованы, ваши права — восстановлены.

Никто не шелохнулся. Обещание звучало как эхо того мира, в который они уже перестали верить. Как сказка, которую рассказывают детям, чтобы они не плакали.

— Вот этих людей я отобрал. Кого называю — два шага вперёд.

Он взял со стола несколько дел, зачитал фамилии. Голос монотонный, без интонаций. Имена падали, как капли:

— Мюллер. Шульце. Вайс, Густав и Вайс, Берта. Якоби. Wassiljewa. Русская? Гут, выходи. Хофманн. Бёме. Рихтер.

Паула вздрогнула, услышав свою фамилию. Она не подняла головы, но почувствовала, как взгляды остальных на мгновение скользнули по ней. Как будто спрашивали: почему ты? Что в тебе особенного? Она и сама не знала ответа.

Наконец, фамилии в его списке закончились.

— Мало. Ещё выходишь ты. Ты. Ты и ты.

Он указал пальцем на нескольких заключённых, чьи дела, видимо, не заинтересовали его при просмотре, но сами люди чем-то привлекли внимание. Его выбор казался почти случайным — или основанным на чём-то, что было видно только ему. На каком-то внутреннем критерии, который он не стал озвучивать.

— Остальных — верните в камеры.

Конвоиры двинулись, разбивая строй. Отобранных — человек сорок или чуть больше — оттеснили в сторону. Паула оказалась среди них. Среди тех, кому выпал шанс. Среди тех, кто теперь принадлежал офицеру с кровью на шинели.

Беккер снова сел за стол, что-то записал в бумаги. Перевязал бечёвкой стопку личных дел отобранных заключённых и закинул её в салон «Опеля». Начальник тюрьмы стоял рядом, всё такой же недовольный, но уже безропотный. Полномочия подтвердили. Система работала.

1969. Ханс-Йоахим Петерс

Гараж оказался низкой кирпичной пристройкой, притулившейся в глубине замкнутого внутреннего двора, куда не доносился шум бульвара. Воздух здесь пах бетонной пылью, остывшим металлом и сладковатым запахом выхлопных газов, впитавшимся в стены за десятилетия. Запахом времени.

Дежурный, пожилой мужчина в чёрном комбинезоне, принял у меня регистрационный талон и методично сверил каждую букву с журналом, висевшим на гвозде у будки. Наконец кивнул, указав коротким корявым пальцем вглубь ряда припаркованных машин.

— Вон ваш, — протянул он хриплым от табака голосом. — Жёлтый. «Шестьсот второй»⁵. Переходная модель, с чешским мотором — хорошим, надёжным. Вам повезло, товарищ. Машина мощная, тихая. И печка — хоть шубу снимай.

Он говорил о печке с таким почти благоговейным уважением, с каким в других местах говорят о дорогом коньяке или надёжном оружии. Я понимающе кивнул: в старом Фольксвагене, которым я владел лет пять назад, отопитель забирал воздух из моторного отсека и наполнял салон больше не теплом, а запахом масла и бензина.

Машина действительно выделялась среди рядов своих более старомодных и простеньких собратьев — «Трабантов» модели Р601. Капот чуть длиннее, его линии резче и современнее, а передняя часть с прямоугольными фарами и чуть наклонной решёткой из чёрного пластика выглядела почти серьёзно, по-взрослому. Песочно-жёлтый цвет, немаркий и практичный, в полумраке гаража казался тёплым пятном. «Переходная модель» — подходящее название для чего-то, застрявшего между эпохами, между мирами. Застрявшего между прошлым и настоящим. Похожего на меня.

Ключ повернулся в замке плавно, без скрежета. Мотор завёлся с полуоборота с неожиданно бархатистым, ровным урчанием, в котором не было ни намёка на трескотню двухтактника. Дежурный одобрительно хмыкнул, услышав этот звук — звук качества.

Я взглянул на часы. Было еще не поздно, часовая стрелка едва переступила за полуденную отметку.

Расследование можно было начать уже сегодня. Откладывать не имело смысла — правда, как и всё в этом мире, не становилась свежее от времени.

Я решил начать с самого интригующего места. С того, где, согласно всем бумагам, официальным справкам и полицейским протоколам, история Курта Беккера — унтерштурмфюрера СС, антифашиста, спасителя или призрака — должна была закончиться.

Я включил фары, выкатился из гаража на вымощенный булыжником двор, а оттуда — на пустынный боковой переулок. Через минуту я уже выруливал на широкий проспект, берущий начало от Бранденбургских ворот и уходящий на север. Дорога в Пазевальк. Дорога в прошлое.

Машина шла мягко, уверенно, поглощая неровности асфальта. Чешский мотор тянул беззвучно и сильно. Я чувствовал, как тепло от печки греет колени. Всё это было слишком хорошо, слишком правильно. Слишком комфортно для поездки на могилу человека, который, возможно, никогда в ней и не лежал.

Осень в Пазевальке ощущалась сырой, пронизывающей до костей. Туман лежал на кладбище, как грязная вата, скрывая контуры крестов и оградок. Воздух пах мокрой землей, опавшими листьями и тишиной — той особенной, кладбищенской тишиной, в которой слышно собственное дыхание. И собственные мысли. И собственные страхи.

⁵ Trabant Р602 — вымышленная переходная модель между Р601 и так и не выпущенным в нашем мире Р603. Реальный прообраз — ходовые макеты на шасси Р601 с двигателем Škoda 1000МВ, которые испытывались при разработке модели Р603. В реальном мире индекс Р602 использовался для прототипа машины с кузовом хэтчбек, но здесь это другая машина.

К могиле я шёл, увязая в размокшей земле. Она стояла в самом конце аллеи, у заросшего бурьяном забора. Не тихий уголок для скорби, а место для забвения. Широкий прямоугольный холм порос жёсткой желтоватой травой, будто земля здесь так и не улеглась, не приняла покоя. Gemeinschaftsgrab. Общая могила. Русские, кажется, называют их братскими. Каменная плита, уложенная сверху и почти вросшая в почву, была покрыта серо-зелёным лишайником. Сквозь него проступал ряд высеченных католических крестов и едва читаемая надпись.

Я остановился перед могилой. Странно. Я ожидал увидеть пять аккуратных, скромных индивидуальных холмиков. Или, как минимум, отдельную могилу для офицера. Но здесь отчего-то всех сгребли в одну яму. Вопреки их собственному культу элиты, чистокровности, избранности. Вопреки всему, во что они верили.

Я подошёл ближе, наклонился. Рукой в перчатке стёр слой влажного мха с камня. Буквы, высеченные без особого рвения, проступили сквозь грязь: «Погибшие при воздушном налёте 8 февраля 1940 года».

Эта надпись не могла появиться в 1940 году. Её форма и дух совершенно не соответствовали времени — определённо, её выбили уже после войны взамен старой. Да и поверхность плиты выглядела слишком неровной, словно её никогда не собирались выставлять напоказ.

Повинуясь внезапной догадке, я подкопал землю у края плиты, ухватил её пальцами и с большим трудом перевернул.

На обратной стороне проступила совсем другая надпись. Изначальная. Руны СС и готические буквы:

***Hier ruhen sechs Angehörige der SS
gefallen 8.02.1940⁶***

Список пошёл ниже. Я провёл пальцем по строчкам, счищая комья земли.

***Untersturmführer Kurt Becker
Scharführer Gottlob Fink***

⁶ Здесь покоятся шесть солдат СС, погибших 8.02.1940 г.

Unterscharführer Hans Müller
SS-Mann Otto Krüger
SS-Mann Wilhelm Fuchs
SS-Mann Hans Lehmann

Паула не смогла достать список членов колонны. Что ж, есть шанс его частично восстановить. Шесть имён.

Я выпрямился, достал сигареты. Зажёг, втянул дым глубоко в лёгкие. Мозг, отвыкший от настоящей работы, начал сопоставлять факты. Как старый механизм, который всё ещё работал, всё ещё помнил своё дело.

В полицейском отчёте, том самом, который лежал в папке Паулы, schwarz auf weiß было написано: пять погибших. Пять из восьми. Это согласуется с её воспоминаниями: в Штеттин приехали три машины, их вели три человека. В Пазевальке остались пять тел в форме СС. Пять комплектов документов, изъятых на месте.

Судя по табличке, здесь лежало шестеро.

Следовательно, в эту могилу положили кого-то лишнего. Или не положили кого-то, кто должен был там лежать. Курт Беккер был первым в списке. Но он был лишь одним из шести.

Я сделал последнюю затяжку, швырнул окурок на холм. Он упал на влажную пожухлую траву и с шипением потух.

Значит, начинать мне следовало не с Беккера, а с остальных пяти. Кто эти люди? Кто из них тот самый лишний, шестой, которого не было в отчёте? Или, может быть, наоборот — которого не было в могиле? Кто из них был настоящим? Кто — подставным?

Туман сгустился. Я аккуратно выписал имена в записную книжку и направился к выходу, оставляя за спиной давно забытую могилу с перевёрнутой плитой. Возвращать её на место я не стал.

Здание народной милиции в Пазевальке пахло так, как пахнут все государственные учреждения по обе стороны границы: пылью, ваксой, дешёвой бумагой и тихим отчаянием ожидания. Свет из высоких окон падал на плиточный пол, покрытый царапинами и потёртостями, и на скучающего дежурного за узким окошком.

Ему-то я и предъявил свои бумаги. Он взглянул, потом снова посмотрел на меня, сверяя живое лицо со старой фотографией в паспорте. Набрал номер, пробормотал что-то об «очередном командированном от Коминтерна».

Что-то изменилось в его позе. Он выпрямился, но вовсе не от почтительности — от внутреннего напряжения. Слушал, кивал, а потом внезапно прикрыл от меня ладонью раструб трубки, пытаясь заглушить поток неразборчивых ругательств: «...опять этот бред...», «...не дают работать...». Дежурный покраснел, бросил на меня виноватый взгляд и, наконец, коротко бросил в трубку:

— Да, товарищ майор. Сию минуту.

Он положил трубку, сглотнул. Как будто проглотил что-то горькое.

— Кабинет 312. Третий этаж. Майор Кирхнер вас ждёт.

Лифта тут, разумеется, не было. Лестничные марши были вылизаны до стерильности, стены окрашены в два цвета: снизу — тёмно-зелёный, сверху — грязновато-белый.

Дверь 312 была приоткрыта. Я постучал костяшками пальцев и вошёл.

Кабинет был маленьким, заставленным шкафами с папками до потолка. Воздух был густым от табачного дыма, несмотря на открытую форточку. За столом, заваленном бумагами, сидел человек, в котором было что-то от бульдога и от уставшего чиновника одновременно. Невысокий, но с такой плотной, сбитой фигурой, что казалось, он врос в кресло. Майор не встал. Только поднял на меня глаза — серые, внимательные, но при этом уставшие.

— Майор Эрих Кирхнер, — сказал он хриплым, прокуренным голосом. — Здешний начальник. Вы тоже по тому делу сорокового года?

Он выдержал паузу, выдохнул струйку дыма, наблюдая, как она ползёт к потолку. Дым, как призрак. Дым, как память, которая не хочет уходить.

— Простите за резкие слова, которые вы невольно услышали. — В его тоне не было ни капли извинения. — Вы не первый, кто приходит к нам с такой бумагой.

Он откинулся на спинку кресла, и оно жалобно заскрипело.

— Боюсь, товарищ Петерс, — он произнёс «товарищ» с лёгким, едва уловимым привкусом иронии, — вы увидите всё те же документы, зададите всё те же вопросы и получите всё те же ответы.

Он сделал ещё одну затяжку, потом резко потушил окурок в переполненной пепельнице, сделав аккуратное, чёткое движение, как ставят точку в отчёте.

— Давайте, чтобы не терять времени, я коротко введу вас в курс дела: тогдашний начальник полиции Алоиз Райнхардт — на кладбище. Его заместитель Йозеф Майер — на кладбище. Бернхард Обермайер, водитель, который выезжал на место происшествия, а потом перевозил тела — на кладбище. Ляйхенбешауэр⁷ Феликс Зоммер — на кладбище.

Он перечислил имена по памяти одним выдохом, как читают список пассажиров разбившегося поезда. Каждое «на кладбище» звучало как скучный, окончательный вердикт. Приговор, который этот мир выносил всем без разбора. Для меня это не стало неожиданностью: все эти имена были в записной книжке Паулы, и напротив них стояли отметки «мёртв». Мёртвые свидетели. Мёртвые улики.

— Наш архив в вашем распоряжении, — майор махнул рукой в сторону двери, будто показывая на лабиринт стеллажей, который, я уже знал, ждал меня внизу. — Чтобы между нами не было недопонимания, обозначу вам границы ваших полномочий. Если вдруг вам понадобятся документы Республики, сами в них не лезьте, обращайтесь ко мне, решим. К старым бумагам Рейха я предоставляю вам полный доступ. Ищите... Я могу вам даже назвать номера документов и показать, где они лежат.

Он посмотрел на меня прямо, и в его серых глазах я увидел лишь скуку. Скуку человека, который слишком много раз видел одну и ту же пьесу с разными актёрами.

— Только сомневаюсь, что вы найдёте там что-то новое.

Тишина в кабинете сгустилась, пропитанная дымом и равнодушием. Майор Кирхнер не был стражем тайны. Не был он и её могильщиком. Он любезно предлагал мне покопаться в прахе, где многократно копались другие, ни капли не веря в мой успех.

— Я приехал не для того, чтобы повторять шаги своих предшественников, — сказал я тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало отчётливо в этом душном кабинете. — Я приехал, чтобы найти то, что другие упустили. И, кстати, кое-что уже нашёл. Товарищ майор, разрешите сделать звонок?

Он развернул телефон ко мне. Я набрал номер Пауля Краузе, референта из Коминтерна:

— Пауль, добрый день! Проверьте, пожалуйста, имена. Шарфюрер Готтлоб Финк. Унтер-шарфюрер Ганс Мюллер. Рядовые: Отто Крюгер, Вильгельм Фухс, Ганс Леманн. Да, Lehmann, через h. Это члены колонны, да. Все эсэсовцы, должны были служить в Заксенхаузене. Да, спасибо.

Кирхнер лишь удивлённо взглянул на меня, медленно достал из пачки новую сигарету, щёлкнул зажигалкой. Пламя на мгновение осветило его сосредоточенное лицо.

— Делайте свою работу, товарищ Петерс. Вас проводят в архив.

Архив, как и ожидалось, находился в подвале. Влажный, прохладный воздух пах старым картоном, плесенью и тихой пылью, которая оседает годами. Я ожидал увидеть за стойкой

⁷ Leichenbeschauer — медик, производящий первичный осмотр тел. В отечественной практике прямого аналога нет, общеизвестный американский аналог — коронер.

обычную архивистку — немолодую, с усталыми глазами за толстыми стёклами, чья жизнь рас-
творилась в каталожных ящиках.

Вместо неё из-за горы папок поднялся мужчина. Лет тридцати, не больше. Добродушное,
открытое лицо с рыжеватыми усами, которые он нервно покусывал. Он улыбнулся, кивнул, и
только потом я заметил пустой рукав пиджака, аккуратно заколотый булавкой чуть выше локтя.

— Петер, — представился он, слегка картавя. — Чем могу?

Его взгляд скользнул по моей фигуре, по папке в руках, и в глазах мелькнуло что-то
знакомое — не подозрительность, а скорее усталое ожидание. Ещё один копатель старых бумаг.
Ещё один искатель призраков.

Я невольно взглянул на его рукав. Он поймал этот взгляд и махнул культёй — резко,
почти весело.

— Не верьте, что сапёр ошибается только один раз, — сказал он, и в его голосе звучала
хорошо отрететированная, почти шутливая горечь. — Первый раз он ошибается, когда выби-
рает специальность.

Он сделал паузу, давая мне оценить остроту.

— Да и после второй ошибки может остаться живым — но немного некомплектным. —
Он кивнул в сторону несуществующей руки. — Мину ставили для англичан, ну, или русских,
а досталась мне. Повезло, что рванул только запал. Не повезло, что осколок угодил в сустав.
Свинство!

Он рассмеялся — коротким, сухим смешком. Это был ритуал. Объяснение, которое он
выдавал каждому новому лицу, чтобы сразу снять напряжение. Чтобы не пялились. Чтобы не
спрашивали. Чтобы не думали о том, что за этой шуткой скрывается боль.

Петер действительно знал своё дело. Он провёл меня между стеллажами, тянувшимися в
полумрак, остановился у определённого ряда и, ловко орудуя одной рукой, вытащил подшивку
в серой картонной обложке.

— Сороковой год, февраль. Всё, что у нас есть по тому инциденту.

Я расположился за узким столом под тусклой лампой. Петер отступил в тень, наблюдая, как я листаю пожелтевшие страницы. Ничего нового. Отчёт о налёте, списки, сухие строчки протокола — всё это я уже видел в безупречной подборке Паулы.

Бумаг было подозрительно мало. Была одна странность, которая не давала мне покоя: нигде, ни в одной бумаге не было имён членов колонны. Пять погибших, при них документы. И где же, спрашивается, выписки из этих самых документов? Я сам работал в крипо, а потому знал, что так не бывает. Выписки наверняка когда-то были, но кто-то их из этой папки убрал, и сделал это давно. Потом я подметил, что и упоминание количества тел перестало мелькать в документах: начиная с 10 февраля «пять» превратились в «несколько». Видимо, тогда же и пропали имена.

Кто-то уже тогда старательно вычищал следы. Кто-то стирал память. Кто-то хоронил правду. И делал это так профессионально, что почти не осталось следов. Почти.

Покашливание Петера, похожее на сухой треск бумаги, выдернуло меня из лабиринта дат и имён. Мысль, ускользающая и верткая, оборвалась на полуслове и рассыпалась.

— Товарищ Петерс, мой рабочий день уже закончился. Давайте продолжим завтра, хорошо?

Я моргнул, переводя взгляд с пожелтевшего листа на его усталое, добродушное лицо. В подвале не было окон, и время текло незаметно, измеряемое лишь толщиной прочитанных папок. За стенами, судя по всему, уже стемнело.

— Хорошо, мой друг, — сказал я, почувствовав, как затекает спина от неудобного стула. — Подскажи только, где у вас можно перекусить?

Петер оживился.

— На Каландштрассе, в двух шагах от площади, есть хорошая и недорогая столовая. Она ещё должна работать. Смотрите на вывеску «Гастроном №4». Вход сбоку.

Я поблагодарил его кивком, аккуратно сложил бумаги в папку и вернул их на полку. Поднявшись по лестнице на первый этаж, я действительно почувствовал, как в животе разворачивается пустота — тупая и требовательная. Я не ел с утра, с того самого завтрака в «Адрии», и организм напоминал о себе неумолимым нытьем под ложечкой.

Столовая у «Гастронома №4» оказалась именно таким местом, каким её описал Петер: без претензий, но чисто. Воздух пах пареными овощами, тушёной капустой и чем-то мясным. Я взял поднос, получил у пожилой раздатчицы в белом колпаке порцию гуляша с картофельным пюре, компот и кусок ржаного хлеба. Еда была простой, горячей и удивительно сытной. Я ел медленно, почти методично, ужином отыгрываясь за пропущенный обед, заставляя тепло разливаться по уставшему за день телу. За соседним столиком двое рабочих в промасленных комбинезонах негромко спорили о футболе. О чём-то лёгком и прозаичном.

Выкурив после еды сигарету на холодном крыльце, я задумался о ночлеге. Возвращаться в Берлин? Дорога туда-обратно отнимет время и силы. Остаться? Но ночевать в машине, даже в этой «шестисот второй» с её чудо-печкой, перспектива сомнительная. Наутро я буду разбитым, а голова — тяжёлой, как гиря. В расследовании, где каждый намёк нужно ловить на лету, это непозволительная роскошь.

Решение пришло само собой. Не хотелось бы завтра начинать день, мучаясь от затекшей шеи и вглядываясь в бумаги воспалёнными глазами. Я завёл машину и направил её по тёмной, почти пустынной дороге обратно в Берлин. Фары резали ночную мглу, выхватывая из тьмы придорожные деревья и редкие указатели.

1940. Паула Рихтер

Когда её вместе с другими заключёнными вели по коридору, она не плакала. Не молилась. Не проклинала.

Просто шла вперёд — шаг за шагом, как всегда ходила одной и той же тропинкой на работу в больницу. Как будто это была просто ещё одна дорога. Разница была невелика.

Двор тюрьмы едва наполнялся неярким светом хмурого февраля — не то утро, не то вечер, время здесь давно потеряло форму. Серый бетон, серое небо, серые стены забора с колючей проволокой поверху. Холодный воздух пах потом, дымом и страхом — привычным запахом этого места. Запахом конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.